

Лян Сун поднял взгляд и, заметив в руках Тан Шэня приглашение, на мгновение замер. Спустя пару мгновений он с улыбкой произнес:

— Юйчжи, выйди пока.

Сюй Хуэй почтительно поклонился и покинул кабинет.

Тан Шэнь поднял руки, держа приглашение обеими ладонями, и склонился в глубоком поклоне.

— Раз уж Юйчжи ушел, почему бы тебе не растереть для меня тушь? — предложил Лян Сун.

Тан Шэнь подошел ближе и протянул приглашение Лян Суну. Тот взял его, положил на край стола и снова принялся за рисунок. Тан Шэнь засучил рукава, взял плитку туши и стал аккуратно растирать ее в тушечнице. Под взмахами кисти из козьей шерсти на бумаге расцветала изящная, благородная орхидея, ютившаяся на краю утеса. В кабинете воцарилась тишина.

Когда орхидея была закончена, Лян Сун спросил:

— Зачем ты снова пришел?

Продолжая растирать тушь, Тан Шэнь ответил:

— Пришел принести учителю свои извинения.

— О? Извинения? Разве ты сделал что-то не так?

Тан Шэнь немного подумал:

— Возможно, ваш ученик не совершил ничего предосудительного, но и правильного тоже ничего не сделал.

— Ну так скажи мне, что ты сделал правильно, а в чем ошибся?

— За три дня до Праздника Двойной Девятки учитель прислал мне приглашение на беседу в усадьбу. Я поступил правильно, угадав, что назначенный день — полдень Праздника Двойной Девятки, когда мы вместе любовались хризантемами в беседке. Однако до сегодняшнего дня я упорствовал в одной ошибке.

— В какой же?

— Был слишком самонадеян, зазнался и потерял голову.

Лян Сун отложил кисть и усмехнулся:

— Я этого не говорил. Ну и горазд же ты наговаривать на себя, малец.

Тан Шэнь тоже отложил тушь:

— Раз учитель этого не говорит, мне становится лишь еще стыднее. Я, не отличаясь особыми талантами, хвастался, что обладаю феноменальной памятью и могу без запинки прочесть Четверокнижие и Пятикнижие задом наперед. Но ведь учитель дважды напоминал мне, что даже старые ученые мужи, корпевшие над книгами по пятьдесят-шестьдесят лет, не смеют

бросаться такими словами. Загадку в приглашении я так до конца и не разгадал. Теперь я понял: приглашая меня полюбоваться хризантемами, учитель звал меня от чистого сердца. А то, что вы скрыли слово «чунъян» в стихах, должно было показать мне, насколько мелки мои познания. В мире всегда найдутся те, кто мудрее нас, и негоже мне быть столь спесивым.

Лян Сун долго всматривался в Тан Шэня, после чего вздохнул:

— Все, что я хотел сказать, ты уже озвучил сам. И даже то, о чем я говорить не собирался, тоже упомянул. Ну и парень же ты, Тан-лан, просто лишил меня дара речи.

И хотя Великий ученый Лян уверял, что лишился слов, он с довольным видом поглаживал длинную бороду.

Видя, что Великий ученый Лян не сердится, Тан Шэнь мысленно вздохнул с облегчением.

— Перед тем как прийти, я услышал одну историю, — продолжил он.

— О, какую же?

Тан Шэнь на мгновение замялся, но все же заговорил:

— В 3-й год эры Кайпин под стенами города Уюань показалось грозное войско Ляо.

Стоило Тан Шэню произнести первую фразу, как лицо Великого ученого Ляна изменилось, его губы дрогнули, но он промолчал. Тан Шэнь продолжил:

— Нападение Ляо было внезапным, а гарнизон города Уюань — слишком мал. Тот год выдался засушливым, и припасов в городе почти не осталось. Подкрепление от императорского двора могло подоспеть в лучшем случае через десять дней, а армия Ляо уже взяла город Уюань в плотное кольцо.

— Не через десять дней, — негромко перебил его Лян Сун. — Они шли целых полмесяца.

Тан Шэнь запнулся:

— Да, целых полмесяца. Видя, что солдаты и мирные жители оказались в ловушке без единого зернышка, защищавший город генерал отдал сто тысяч лянов серебра тогдашнему дучжихуэйши и умолял его тайно выбраться из города, чтобы доставить провизию.

Это случилось двадцать один год назад, в 3-й год эры Кайюань. Восхождение на престол нового императора сопровождалось смутой, сильно подорвавшей мощь государства. На протяжении десяти лет люди Ляо совершали постоянные набеги, не давая народу мирной жизни.

Город Уюань не граничил с землями Ляо, поэтому его гарнизон насчитывал всего около трех тысяч воинов. Кто же мог знать, что враги воспользуются засухой в Великой Сун и нанесут внезапный удар. Под покровом ночи они захватили город Ючжоу, после чего их армия подступила к стенам города Уюань. Обороной командовал генерал Чжэн Юаньпин — человек из простых людей, пробивший себе путь наверх собственными силами и снискавший славу отчаянного вояки.

Когда враги осадили город, Чжэн Юаньпин держался три дня, но припасы иссякли. Тогда он пришел к дучжихуэйши Лян Суну и, опустившись на колени, взмолился, чтобы тот взял сто тысяч лянов серебра и отправился в Западное Ся за провиантом для спасения жизней.

— Я разделю судьбу Уюаня, разделив с ним жизнь и смерть.

Под покровом темноты Лян Сун проскользнул мимо вражеских дозоров и направился в Западное Ся. Из Западного Ся в Уюань вел водный путь, двигаясь по которому можно было избежать встречи с разведчиками Ляо. Однако в то время Западное Ся поддерживало дружественные отношения как с Ляо, так и с Великой Сун, будучи связанным союзными договорами. Лян Сун отыскал одного купца из Западного Ся. Тот позарился на сто тысяч лян серебра, но до смерти боялся быть втянутым в войну.

Лян Суну тогда было лишь немногим за тридцать, он пользовался славой выдающегося мужа Великой Сун. Видя, как стремительно тает время, а запертый врагами город изнывает от голода, он упал перед купцом на колени и стал неистово биться лбом о землю, расшибая его в кровь. В итоге купец из Западного Ся уступил и выделил два судна, доверху груженных зерном, чтобы отправить их в город Уюань.

Увы, к его прибытию город Уюань уже пал, а отрубленная голова Чжэн Юаньпина висела на городских воротах на всеобщее обозрение.

— Видя, что не оправдал доверия генерала Чжэн, учитель обнажил меч, желая искупить вину смертью, — проговорил Тан Шэнь. — Лишь благодаря спутникам, которые вовремя остановили вас, вы остались живы.

Лян Сун словно вновь увидел лица и события тех дней, минувших более двадцати лет назад. Он тяжело вздохнул:

— Прошло уже больше двадцати лет. В 10-й год эры Кайюань Великая Сун наголову разбила армию Ляо под Шочжоу. Почему ты вдруг вспомнил об этом сегодня?

Тан Шэнь шагнул вперед к письменному столу и почтительно склонился:

— Ваш ученик родом из глухой деревни, с малых лет я видел лишь лягушек да червей и ничего не смыслил в делах Поднебесной. Лишь сегодня, услышав эту историю от одного старого ученого, я наконец понял истинный смысл слов, которые учитель произнес тогда: «Вдова не беспокоится о недотканном утке, но печалится о гибели дома Чжоу, ибо беда коснется и ее».

Лян Сун пристально посмотрел на него:

— И каков же, по-твоему, этот смысл?

Тан Шэнь поднял голову. В его глазах горел решительный огонь, и он отчетливо, слово за словом, произнес:

— За процветание и гибель Поднебесной отвечает каждый простой человек!

Лян Сун вздрогнул, словно на него снизошло озарение, и надолго замер на месте.

— «За процветание и гибель Поднебесной отвечает каждый простой человек», — тихо повторил он через какое-то время, словно пробуя слова на вкус. А затем громко, от души рассмеялся: — Да! Верно сказано! За процветание и гибель Поднебесной отвечает каждый простой человек! Ты абсолютно прав. Но знаешь ли ты, почему я послал тебе это приглашение? И почему в тот день в деревне Чжаоцзя оставил свою визитную карточку?

Тан Шэнь растерялся.

Ему действительно никогда не приходило это в голову. Теперь же, задумавшись, он словно провалился в ледяную бездну, внезапно осознав собственную ограниченность и глупость.

С самого момента своего перерождения в этом древнем мире он смотрел на всех свысока, считая себя человеком из далекого будущего — а значит, более умным и просвещенным. Ни к Учителю Цзэну, ни к Великому ученому Ляну он не относился с должным почтением, в глубине души взирая на них свысока и считая себя выше прочих. И пусть внешне это никак не проявлялось, в самом тайном уголке его сердца таилось это высокомерие, которого он до сего момента даже не замечал. Теперь же, осознав это, он сгорал от жгучего стыда.

Тан Шэнь искренне признался:

— Ваш ученик не знает.

— Потому что ты поразительно похож на меня в юности!

— Что?

— Невероятных одаренных детей, способных запоминать все с первого взгляда, я видывал немало. Бывают те, кому отмерено восемь из десяти долей таланта Поднебесной. Взять хотя бы меня: в двенадцать лет я сдал экзамен на степень сюоя, в шестнадцать стал цзюинем, а в двадцать один занял первое место на императорских экзаменах, удостоившись звания чжуаньюаня. Тан Шэнь, осмелишься ли ты утверждать, что к двадцати одному году сумеешь войти в число цзиньши?

Будь это раньше, Тан Шэнь, пожалуй, с уверенностью заявил бы, что ему это по плечу. Но избавившись от спеси, он прекрасно понимал: сдать экзамен на степень цзиньши в эту эпоху было невероятно трудно, почти невозможно.

Государственные экзамены проводились раз в три года, и каждый раз степень цзиньши получали лишь триста человек — в среднем всего по сто человек в год.

И эти сто человек отбирались со всей Великой Сун, а не из какой-то одной управы или округа! В его прежнем мире самые престижные университеты ежегодно принимали десятки тысяч человек, здесь же звания цзиньши удостоивались лишь сто счастливицев на всю империю. Все книжники Поднебесной станут твоими соперниками на этом экзамене.

— Ваш ученик не смеет так утверждать, — ответил Тан Шэнь.

Видя смирение и раскаяние Тан Шэня, Лян Сун смягчился еще больше. Он со вздохом произнес:

— И все же ты очень похож на меня. Тан Шэнь, двадцать четыре года назад я, точь-в-точь как ты теперь, верил, будто весь мир лежит у моих ног. Но помни: в этой жизни есть вещи, которые тебе не под силу совершить, и есть люди, которых тебе не суждено спасти. Видел ли ты когда-нибудь земли за пределами Ючжоу, где на тысячи ли тянутся белые кости, а пролитая кровь течет реками, унося боевые щиты?

— Учитель, я действительно был слишком самонадеян, — искренне произнес Тан Шэнь.

— Ладно тебе, подойди ближе. Тан-лан, прежний самоуверенный и гордый вид шел тебе куда больше. Впрочем, слова твои и впрямь хороши: «За процветание и гибель Поднебесной отвечает каждый простой человек»!

Каким бы толстокожим ни был Тан Шэнь, сейчас он почувствовал, как к щекам приливает краска. Какое еще высокомерие? Учитель порой совершенно не умеет подбирать выражения.

— Когда планируешь вернуться к учебе? — спросил Лян Сун.

— Эм, ну...

— На уездный экзамен в следующем году ты вряд ли успеешь подготовиться. Осталось всего три месяца, а ты, небось, даже не приступал к изучению структуры восьмичленных сочинений?

— Нет... — нерешительно протянул Тан Шэнь.

— В следующем месяце отправляйся учиться в управскую школу.

— Учитель, — изумился Тан Шэнь, — но разве в управскую школу принимают не только тех, кто уже сдал экзамен на степень сюцая?

— Мои ученики тоже могут туда поступить.

— Учитель! — радостно воскликнул Тан Шэнь.

<http://bllate.org/book/18292/1754407>